

БОЛЬШЕВИКИ ЕКАТЕРИНОСЛАВА В 1905 ГОДУ

(из воспоминаний)

С. И. Гоннер

В середине января 1904 г. я впервые приехала в Екатеринослав (теперь Днепропетровск). Меньше чем через две недели началась русско-японская война. Жалкие «патриотические» манифестации, организованные по этому поводу местными властями, были одним из первых моих впечатлений.

Вскоре, после встречи на явке с представителем Екатеринославского комитета РСДРП, я попала на партийное собрание, которое, повидимому, было собранием актива. На нем выступило несколько большевиков и меньшевиков, приехавших из «центра». Острые споры велись по вопросам, вызвавшим разногласия на II съезде, и о положении, создавшемся в партии после съезда в связи с дезорганизаторской деятельностью меньшевиков.

Продолжительное время мы, приезжие, сносились с комитетом через одного его представителя — «Наташу». Это была Конкордия Николаевна Громова (позже, по мужу, Самойлова) — замечательный профессиональный революционер-подпольщик. С каждым днем нас все больше захватывала атмосфера крупного промышленного центра. Жизнь заводов, прежде всего Брянского завода (ныне имени Г. И. Петровского), определяла, по существу, жизнь всего города.

На «летучках» и «массовках» бросался в глаза растущий подъем революционной активности рабочих. К партии тянулись широкие массы рабочих. Но чем больше рос этот приток, тем острее ощущался недостаток в большевистских кадрах.

Среди членов партии споры о централизме, о ленинской и мартовской формулировках первого параграфа партийного Устава продолжали носить страстный характер, но на первое место все больше выступал вопрос об углублении раскола и партийного кризиса в результате отказа меньшевиков подчиниться решениям II съезда. Остро обсуждался вопрос об измене Плеханова, о его повороте к меньшевизму. Партийные активисты тяжело переживали разрыв с Плехановым, авторитет которого тогда впервые пошатнулся. Однако сторонники Ленина твердо и непоколебимо осудили поведение Плеханова.

Главной опорой большевиков были рабочие заводов, а в городском районе было сильно влияние меньшевиков. Екатеринославский комитет — один из трех крупных комитетов Юга (два других — Одесский и Николаевский) — был участником создания «Бюро комитетов большинства». В феврале 1904 г. Екатеринославский комитет одним из первых высказался за созыв III съезда партии. В июне 1904 г. я присутствовала на партийном собрании, которое в особой резолюции, вопреки возражениям присутствовавшего на собрании члена примиренческого ЦК, приветствовало созыв III съезда партии.

Самый состав этого собрания характеризовал тяжелое положение Екатеринославской партийной организации. Хотя это собрание приняло «твердокаменную», то есть большевистскую, резолюцию от имени Екатеринославского комитета, но такого комитета как коллектива не существо-

вало: был только один член комитета — товарищ Фабричный («Андрей»). Остальные присутствовавшие на собрании, насколько помню, человек 5—6, представляли верхушку «периферии», как тогда называли партийный актив.

Естественно, возникает вопрос: чем руководствовались в своей работе местные партийные организации в период, когда ЦК был в руках примиренцев, редакция «Искры» и Совет партии — в руках меньшевиков, а Ленин находился за границей и связь с ним была очень затруднена? Маяком для нас служили гениальные произведения Ленина — его классические труды и статьи в газете «Вперед».

Большевистское поколение моего времени формировалось под воздействием книги Ленина «Что делать?». Мы ее читали до II съезда, когда даже слова «большевик» еще не существовало. Но в ней уже были заложены идеологические основы большевизма. Эта книга зажгла в нас неугасимую любовь к революционной теории, к познанию живой действительности, отвращение к бесплодному книжничеству. Эта книга раскрыла всемирно-историческую роль партии и сделала для нас идеалом возвышенный образ профессионального революционера.

Ленинские идеи служили источником величайшего энтузиазма передовых рабочих и молодых партийных кадров. Отсюда их самоотверженность и готовность десятки раз начинать вновь и вновь строить и восстанавливать партийные организации, которые очень страдали от ударов, наносимых охранкой, и от преступной деятельности меньшевиков.

Ленинские идеи в широких массах распространяли большевистские пропагандисты и агитаторы, из которых наиболее популярными были «Галя» и «Шура». Позже выделились как крупные пропагандисты «Анна» (С. М. Розенбаум), «Таня», она же «Марья Павловна» (Е. С. Лившиц) и «Борис» (Борис Волин), который, кроме того, был еще автором ряда наших листовок. Мы постоянно стремились стать ближе к массам, теснее связаться с ними.

Для интеллигентов, не связанных с производством, это было не так легко ввиду особо строгой полицейской охраны заводов. Решающая роль в укреплении связей организации с широкими массами принадлежала рабочим-большевикам, работавшим на производстве. Из среды этих рабочих выдвинулись в 1905 г. Г. И. Петровский, Андр. Булыгин, Ив. Захаренко и ряд других, сыгравших в октябре — декабре крупную роль как члены Боевого стачечного комитета (органа Екатеринославского Совета рабочих депутатов, руководившего осенью 1905 г. всеобщей стачкой и восстанием в городе).

Во второй половине 1904 г. широкие массы рабочих волновал вопрос о предстоящем крупном политическом процессе над участниками знаменитой забастовки и революционной демонстрации в Екатеринославе летом 1903 года. До и после судебного процесса повсюду — за станками в цехах заводов, в мастерских и в екатеринославской тюрьме — постоянно звучала песня, посвященная забастовке. Автором ее была пропагандистка, агитатор и поэтесса «Галя».

Вот начало этой песни:

«Низко мы шею сгибали,
Каторжный труд нас давил,
Солнце для нас не сияло,
Месяц для нас не светил.

Мы ждали защиты от неба.
Холодно небо к мольбе.
Братья, для счастья и хлеба
Дружно сплотимся в борьбе!..»

Кончалась песня бодрым призывом.

Обвиняемые по процессу — их было 53 человека — больше года находились в тюрьме. Оттуда на волю часто приходили вести о мужествен-

ном поведении узников, об их решимости использовать судебный процесс не для самозащиты, а для агитации за Российскую Социал-Демократическую Рабочую партию.

Во время процесса (в ноябре 1904 г.) Екатеринославский комитет организовал революционную демонстрацию солидарности рабочих с подсудимыми. Демонстрация должна была от заводов подняться по проспекту и подойти вплотную к зданию суда. Однако полиции удалось разузнать о готовившейся демонстрации, и она не дала слиться воедино отдельным частям демонстрантов. Все же недалеко от здания суда собралась довольно большая группа демонстрантов, и один из товарищей, став на плечи других, успел произнести краткую речь до того, как полицейские разогнали демонстрантов.

Хотя в общем демонстрация была признана нами неудавшейся, она не прошла бесследно. В эти дни ожидался приговор. Когда обвиняемые произносили свое «последнее слово», до них дошло известие, что у здания суда собираются рабочие. Зал суда стал ареной демонстрации мужества и героизма подсудимых. Их речи превратились в обвинительный акт против самодержавия. Подсудимые с гордостью, открыто признавали себя социал-демократами, что заведомо предрешало более суровые приговоры. Некоторые из них заявляли, что в момент ареста они были беспартийными и политически несознательными, но насилия полиции и тюремщиков и долгое пребывание в тюрьме просветило их, что теперь они знают, за что борются социал-демократы, и посвятят свою жизнь борьбе за дело рабочего класса в рядах партии. Их речи кончались призывом: «Долой самодержавие!».

Суровый приговор суда еще больше накалил атмосферу. Этот судебный процесс был чуть ли не самым крупным событием в жизни широких масс Екатеринослава в сравнительно «мирном» 1904 году.

На события 9 января рабочий класс России ответил грандиозными стачками, начавшимися 11 января. Екатеринославский пролетариат включился в общую борьбу лишь 17 января. В этот день забастовал ряд заводов и других предприятий. Большевики сделали все, чтобы задержать движение и ограничить его рамки экономической борьбы. Яркая политическая агитация большевиков способствовала тому, что вопреки всем стараниям меньшевиков им не удалось полностью направить в мирное русло это массовое движение гнева и протеста. Оно вышло за рамки экономической борьбы, вызвало полицейские репрессии и новый подъем революционной борьбы.

Как и во всей России, январские дни открыли в Екатеринославе новый период и в работе большевистской организации. Но она оказалась в конце января временно обезглавленной. Малочисленность большевиков — членов комитета — явилась одной из причин временного захвата его меньшевиками.

В январе 1905 г. меньшевики, воспользовавшись временным отъездом сначала одного, а затем и другого большевика — членов комитета, — путем кооптации пополнили комитет несколькими меньшевиками, захватили комитетскую печать и тайную типографию.

Нам, активистам большевистской организации, еще не хватало политического опыта, чтобы немедленно найти выход из создавшегося положения. Но, тем не менее, мы не хотели складывать оружие.

Новый период массовой борьбы выразался в непрерывном развитии стачечного движения. Для нашей организации началось в связи с этим настоящая «страда» — работа в многочисленных стачечных комиссиях по выработке требований, выставлявшихся стачечниками. На собраниях этих комиссий разгорались ожесточенные бои между нами и меньшевиками. Большевики стремились ограничиться экономическими требованиями, а мы настаивали на том, чтобы было уделено также видное место требованиям общеполитическим. И мы настояли на своем. Как правило,

список этот начинался требованиями 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, охраны труда, запрещения детского труда и тяжелых работ для женщин. Затем шли многочисленные пункты, ярко отражавшие местные тяжелые условия жизни и работы и повседневные интересы рабочих. Во всех списках фигурировало требование уплаты за дни забастовки и увольнения рабочих за участие в стачке. В конце говорилось, что эти и другие требования полностью могут быть удовлетворены только после свержения самодержавия, после чего перечислялись общеполитические лозунги: созыв Учредительного собрания, установление демократической республики, передача земли народу, окончание войны.

Эти общеполитические требования из «программы-минимум» РСДРП мобилизовывали массы на штурм самодержавия.

Накануне революции мы видели, как в кружках на наших глазах под влиянием марксистского учения неузнаваемо менялись отдельные люди. В разгар революции мы увидели, как преображались и политически росли сотни и тысячи новых рабочих, только что вовлеченных в водоворот революции и призванных ею к активному революционному творчеству.

В Екатеринославе в этот период, как и повсюду в России, политически активизировались не только рабочие, но и другие классы общества. Возникали новые партии — буржуазные, мелкобуржуазные, националистические. Интеллигенция расслаивалась и делила свои симпатии между всеми партиями. В единственном тогда высшем учебном заведении Екатеринослава — Высшем горном училище — у нас были связи со студенчеством, были товарищи и среди профессуры. И тут на первом месте стояли профессора Владимир Матвеевич Маковский, убежденный большевик, инженер-технолог, ученый в области теплотехники, и его близкий товарищ и друг Александр Семенович Иловайский, инженер-путеец, безоговорочный сторонник Ленина. Оба они отличались высокой идейностью, принципиальностью, беззаветной преданностью народу и большевистской партии.

Еще летом 1904 г. я по поручению Екатеринославского комитета организовала «группу содействия» из партийных и сочувствовавших большевикам влиятельных лиц из «общества». Квартира Маковского в здании Высшего горного училища (ныне Горный институт) стала штабом «группы содействия». Кроме Маковского и Иловайского, к группе примыкал также большевик Юрий Павлович Кулябко, на квартире которого мы печатали нелегальные листки на mimeографе. Мы обеспечили Екатеринославскую большевистскую организацию явками, местами ночевки, а также деньгами, которых, впрочем, всегда не хватало. Через эту группу мы продвинули свои связи к довольно широкому кругу интеллигенции и специалистов.

Большой отклик в кругах интеллигенции получил доклад о позиции большевиков в аграрном вопросе. Доклад был организован нами в мае 1905 г. на квартире известного общественного деятеля д-ра А. Л. Караваева (впоследствии депутата 2-й Государственной думы, одного из ораторов «трудовой группы», убитого черносотенцами в 1908 г.). Доклад этот, сделанный П. Н. Лепешинским, был заслушан политически разношерстной аудиторией с большим вниманием и вызвал оживленную дискуссию.

Заметное усиление нашего влияния в массах встревожило меньшевиков, возмозивших было о своей полной и окончательной победе. Теперь они опасались восстановления большевистского комитета. В начале февраля они обратились к нам с предложением собраться вместе, чтобы еще раз обсудить разногласия и попытаться прийти к соглашению.

Предложение меньшевиков было встречено отдельными товарищами отрицательно. Но нам пришлось учесть, что требование единства было очень сильно в массах и что многие члены партии могли неправильно понять наш отказ от переговоров. И мы решили не отказываться от пере-

говоров. Встреча была спешно организована где-то на окраине горной части города. В небольшом домике собралось человек 12—15. Еще до начала собрания началась словесная перепалка и произошло острое столкновение «лидеров» обеих фракций. Хозяйка квартиры, от которой была скрыта цель собрания, услышав шум, решила, что происходит пьяная драка. Недолго думая, она бросилась на улицу за полицией. Кто-то из собравшихся догадался об этом, поднял тревогу, и мы разбежались. Полиция пришла, но никого уже не застала.

Через несколько дней, 11 февраля, мы вновь собрались для той же цели в совершенно противоположной части города. Дискуссия началась на этот раз организованно, но несколько раз прерывалась приходом запоздавших. Вдруг большевичка Ел. Ант. Маковская предупредила нас о приходе полиции. Когда пристав с целой бандой полицейских надзирателей и городских вошел в большую комнату, весь пол ее уже был, как снегом, усеян разорванными на мельчайшие клочки нелегальными газетами, записками и т. п. Так был арестован актив двух организаций — большевиков и меньшевиков, — всего 33 человека.

Когда мы вышли из тюрьмы (11 марта), мы узнали, что во время нашего отсутствия из «центра» приехали новые товарищи — «Егор» (Земляницкий), «Григорий» (Циммерман) и «Федя» (Семен Шварц), несколько позже приехал «Димитрий» (Парижер). Они уже до нас составили руководящую группу, а сейчас же после нашего освобождения был организован по тем временам довольно многочисленный и политически сильный большевистский комитет из 7 человек. Мы стали называться и подписываться на воззваниях «Екатеринославский комитет РСДРП («большинства»)».

В специальном заявлении, посланном для опубликования в большевистской газете «Вперед», мы писали по поводу образования комитета большинства: «На суд партии, на суд предстоящего съезда отдаем мы себя. Пусть он произнесет над нами свой приговор, пусть он выскажется: желание ли раскола или спасения партии от оппортунизма и дезорганизации руководило нами при самостоятельном выступлении.

Тому или иному решению съезда, этого высшего выразителя воли партии, мы, как партийные работники, выражаем полную готовность подчиниться...» Под нашим заявлением стояла подпись: «Екатеринославский комитет большинства РСДРП»¹.

Однако как комитет мы были утверждены только после III съезда вновь избранным ЦК². На съезде мы фигурировали как «Екатеринославская группа», и нашему делегату было предоставлено право лишь совещательного голоса.

Новый комитет приступил к работе накануне III съезда. Делегатом на съезд от Екатеринославской организации был послан «Сергей» (фигурирует в протоколах съезда под именем Жаркова). Отъезд его на съезд был ускорен после получения Семеном Шварцем письма от Ленина, требовавшего скорейшего приезда нашего делегата³.

В это время очень усилились наши связи с заводами, участились поездки за пределы Екатеринослава, к которому тяготели Луганск, Кривой Рог, Енакиево и другие районы Донбасса. Комитет выпустил ряд воззваний, в том числе и к крестьянам. В этих воззваниях сильно подчеркивалась перспектива вооруженного восстания, призыв готовиться к нему, вооружаться. Стремление вооружаться росло и снизу, что объяснялось участвовавшими вооруженными стычками во время стачек и выступлений рабочих на улице. Мы неустанно вели агитацию против эсеровщины с ее тактикой индивидуального террора, вносящей дезорганизацию в наши

¹ Газета «Вперед», 18 мая 1905 года.

² См. газета «Пролетарий», № 10. 1905 год.

³ См. «Ленинский сборник». Т. V, стр. 166.

ряды и отвлекавшей рабочих от главной задачи — организации широких масс для всенародного восстания. Многие рабочие учились владеть оружием. Мы популяризовали ленинскую линию по вопросу о вооруженном восстании и призыв вооружаться. Организацией боевых дружин занимался Ал. Исид. Шапувал — старый большевик, рабочий, профессиональный революционер.

Лето 1905 г. ознаменовалось в Екатеринославе возникновением совершенно новой формы революционной массовой работы, созданной рабочими в порядке «революционного почина». Рабочие захватили часть Проспекта — главной улицы. После 1 мая здесь возникли «рабочие биржи». Такое название дали рабочие своим ежедневным многолюдным собраниям под открытым небом. Такая «биржа» возникла и в районе Брянского завода.

Мы проникали во все «биржи» и участвовали в дискуссиях, которые там ежедневно разгорались в предвечерние часы, когда кончалась работа смен на заводах и в городских предприятиях.

Не решаясь разогнать «рабочие биржи», полиция установила за ними открытый надзор, расставив на каждом перекрестке между двумя «биржами» патруль из четырех человек: трех городовых и одного околоточного надзирателя. Однажды и мне пришлось столкнуться с таким патрулем. Меня остановил околоточный надзиратель у входа на «биржу». Он узнал меня, как сидевшую несколько раз в полицейских участках, и, приложив руку к козырьку, заявил: «Сюда я вас не пропущу». Этот случай — небольшая иллюстрация того, как революция постепенно ослабляла полицейский аппарат. Ведь околоточному надзирателю ничего не стоило меня арестовать, но он не решился сделать это на глазах многочисленных рабочих, которые могли оказать сопротивление.

Не помню, когда мы получили известие о III съезде, но это было еще до июньской стачки. Решения съезда, прежде всего его тактическая линия, о которой мы узнали еще из предсъездовских статей Ленина, а затем из устных докладов, сделанных у нас вернувшимся нашим делегатом и приезжими докладчиками, внесли ясность в важнейшие вопросы, волновавшие партию, и сделали все наши шаги более уверенными.

После докладов о съезде в более узком кругу товарищей комитету удалось посвятить съезду большое (для тех времен) собрание, на котором присутствовало 85 человек, единодушно приветствовавших решения съезда. Екатеринославский комитет выпустил специальное воззвание, посвященное съезду, — «Ко всем организованным рабочим».

Правильность ленинских установок III съезда вскоре подтвердилась крупнейшим событием того времени — восстанием на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Даже теперь, через пятьдесят лет после этих событий, трудно найти слова, чтобы выразить силу подъема и радостного изумления, охватившего всю революционную Россию при известии о восстании матросов на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Зашатался могучий оплот царизма; его вооруженные силы стали переходить на сторону революции. Не только сильные, но и слабые стороны этого восстания подчеркивали правильность позиции большевиков. Чем больше мы убеждались в том, что это восстание возникло без какой бы то ни было подготовки из центра, тем яснее становилось нам, что влияние ленинских идей было гораздо сильнее, чем наши возможности организованно руководить массами. Чем яснее становилось, что восстание на «Потемкине» потерпело поражение, тем острее врезалась в сознание мысль о решающем значении партийного руководства любым восстанием.

Когда на поддержку «потемкинцев» и одесского восстания один за другим поднялись промышленные центры России, Екатеринославский комитет стал лихорадочно готовиться к массовой политической стачке, в которой ведущая роль должна была принадлежать рабочим Брянского

завода. В штаб всеобщей стачки вошли все члены комитета. Они распределились по всем крупным заводам, куда должны были проникнуть с самого раннего утра через проходные ворота, смешавшись с очередной сменой. Все это было заранее согласовано с рабочими-большевиками, работавшими на заводах. Мне было поручено безотлучно сидеть в центральном штабе, куда должна была направляться информация о ходе забастовки. В мои обязанности входило в случае необходимости вызывать членов комитета через связных.

За несколько дней до стачки меньшевики, убедившись, что политической стачки не миновать, прислали к нам делегацию для переговоров об общем руководстве стачкой. Сговориться, однако, с ними мы не смогли. Как и в дни январских стачек, меньшевики стремились устранить от руководства стачкой Екатеринославский комитет «большинства», сосредоточив руководство в своих руках, и сделать стачку возможно более кратковременной. Большевистский же комитет не исключал возможности перерастания стачки в восстание, хотя и не собирался искусственно его форсировать, ибо считал необходимым учесть, как развернутся события в других городах.

Политическая стачка в Екатеринославе началась рано утром 20 июня. В 6 часов утра я проехала по городу в почти пустом вагоне трамвая (вскоре движение в городе прекратилось). Я успела увидеть, как в торговой части Проспекта один из наших организаторов с группой приказчиков, переходя от предприятия к предприятию, «снял» с работы всех рабочих и служащих. Большинство служащих и рабочих уже с вечера знало о забастовке и поспешно выходило на улицу, чтобы присоединиться к бастующим. Перепуганные хозяева кое-где сами спешили спустить железные ставни на окнах и дверях магазинов и отправлялись восвояси.

Как было условлено, Екатеринославский комитет «большинства» собрался поздно вечером не в помещении штаба, а в одном из самых темных углов Потемкинского сада. Мы успели поделиться информацией о первом дне стачки и рассчитывали до поздней ночи, а если потребуется и до утра, не расходиться, пока не кончим обсуждения всех вопросов. Но разразился один из сильнейших южных ливней с громом и молнией. Тщетны были наши усилия укрыться под густыми деревьями. С нас ручьями лилась вода, когда мы решили двинуться в город. Мы так и провели всю ночь под открытым небом, и рано утром каждый отправился на свой пост.

С 20 июня в городе замерла жизнь. В день начала забастовки широко распространялось воззвание Екатеринославского комитета, начинавшееся словами: «Товарищи! Бросайте работу, в Одессе восстание!». В этом воззвании наряду с лозунгом «Да здравствует всеобщая стачка!» был лозунг «Да здравствует всенародное восстание!». А листовка, выпущенная Екатеринославским комитетом после окончания стачки, носила заглавие «Готовьтесь к вооруженному восстанию!».

Стачку начали рабочие Брянского завода. К ней быстро присоединились другие заводы. В течение первых двух дней на линии железной дороги происходили многочисленные стычки рабочих с казачьей сотней и с пришедшей к ней на помощь воинской частью. Несколько раз казаки и солдаты отступали перед натиском рабочих, которые стремились соединиться с рабочими вагонных мастерских. Центром, к которому устремлялись рабочие, служила Брянская площадь. Были целые улицы, прилегающие к заводам, куда вооруженные рабочие, не покидая своих постов ни днем, ни ночью, не пропускали полиции и войск и вступали с ними в бой. Особенно острые формы приняли столкновения в районе вагонных мастерских, на железнодорожной линии и в районе Брянского завода.

Работа на заводах стала возобновляться только на четвертый день и, насколько память мне не изменяет, в организованном порядке, то есть по призыву Екатеринославского комитета.

Часть рабочих была настроена продолжать забастовку, и на ряде

предприятий она длилась больше, чем три дня, а кое-где до 28 июня. Одновременно участились случаи провокационных актов анархистских элементов, вооруженные стычки одиночек с полицией, вызвавшие зверства со стороны полиции и казаков. Полиция вела безудержную черносотенную агитацию, разжигала национальную вражду и готовила погром.

Июньская забастовка в Екатеринославе — одна из крупнейших среди стачек, разразившихся по всей стране в ответ на восстание броненосца «Потемкин», — стала преддверием грандиозных октябрьско-декабрьских боев. Ее результатом был новый значительный рост большевистского влияния в массах.

Между тем дни Екатеринославского комитета были сочтены. По ряду признаков можно было предвидеть близкий арест многих из нас. Так как в других городах условия были аналогичными, мы начали переговоры с Южным бюро ЦК об обмене работниками. Между нами и Николаевским комитетом партии наметилось соглашение о таком обмене людьми. Однако подготовка обмена затянулась, и аресты начались как у нас, так и в Николаеве.

В ночь на 4 июля полиция произвела налет на квартиры всех членов Екатеринославского комитета, а также широкого круга активистов. Явилась полиция и на мою квартиру. Спас меня от ареста один беспартийный рабочий. В момент, когда пришла полиция, у него только что умерла маленькая дочь, но, несмотря на это, он нашел в себе мужество, чтобы, рискуя быть арестованным, вскарабкаться по карнизам дома к балкону моей квартиры и своевременно предупредить меня о приходе полиции. Покрывшись большим платком; взяв в руки продуктовую корзинку и приняв вид женщины, спешащей на рынок, я на рассвете тихонько ушла через парадную дверь на глазах поджидавшего меня у ворот городского. Я пошла по направлению к базару и вдруг увидела, как по пустынной еще Казачьей улице спускаются один за другим легкие дрожки, на которых везут арестованных. Закрыв на три четверти лицо платком, я поспешно свернула в боковую улицу. Было ясно, что аресты повальные и что скрыться мне некуда. Я вспомнила адрес одной акушерки, видного члена революционного Красного Креста, и рискнула пойти к ней. У нее я скрывалась несколько дней.

Дня через два ко мне с большими предосторожностями пробрался член комитета «Егор», единственный, кроме меня, уцелевший. Оказалось, что в свое время мы напрасно подшучивали над ним, когда он говорил, что «принципиально» не наймет себе постоянной комнаты, так как конспиративнее каждые два — три дня менять ночевку. Так он и жил несколько месяцев, и в ночь на 4 июля полиция его не нашла. Мы с «Егором» обменялись информацией. Констатировали, что комитета больше нет, что взято много активистов и положение создалось тяжелое. Договорились о некоторых экстренных мероприятиях. «Егор» уже знал, что из Николаева приедут два товарища, и мы сговорились, что я поеду на работу в Николаев.

В середине июля 1905 г. я покинула тогда уже особенно дорогой мне Екатеринослав. Исторические октябрьские дни 1905 г. я встретила в Николаеве. События повернулись так, что я оказалась оторванной от Екатеринослава на целых два года.

В 1907 г. я была командирована Екатеринославским комитетом в Финляндию, в гор. Терриоки, где находился в это время ЦК партии, с поручениями к нему.